

ЭЛБЗА ВИНТЕР

ПУСТОТА *между* НАМИ

От прошлого не спрятаться.

Том 3

18+

Эльза Винтер

Пустота между нами. От прошлого не спрятаться. Том 3

<https://litres.ru/74609218>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они выбрали друг друга. Но прошлое ещё не закончило с ними.

Жасмин и Адриан наконец обрели то, за что так долго боролись, — любовь, свободу и право на собственное будущее. Впереди их ждёт новая жизнь. Позади остались Доха, несчастливый брак и решения, которые когда-то принимали за них другие.

Но одно письмо разрушает хрупкое спокойствие.

Семейные тайны, опасные документы и люди, не привыкшие терять власть, вновь втягивают Жасмин в мир, из которого она с таким трудом вырвалась. Теперь под угрозой не только её счастье, но и будущее человека, которого она любит.

Между Дохой, Москвой и Берлином им предстоит понять: достаточно ли просто любить друг друга, когда прошлое готово отнять всё?

«Пустота между нами» — третья книга серии Эльзы Винтер. Эмоциональный роман о любви вопреки обстоятельствам, семейных тайнах, предательстве и цене права быть счастливой.

Содержание

Глава	5
Глава 1. Что приходит ночью	6
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Эльза Винтер

Пустота между нами.

От прошлого не спрятаться. Том 3

Глава

Пустота между нами

Эльза Винтер

Книга третья

О персонажах и совпадениях.

Все персонажи и события этой книги вымышлены. Любые совпадения с реально существующими людьми случайны. Названия реальных мест (Москва, Доха, Берлин и другие) используются как художественные декорации.

Глава 1. Что приходит ночью

Жасмин:

Посылка пришла во вторник, через несколько дней после того вечера на берлинском балконе, когда я сказала Адриану, что беременна. Мы уже решили ехать в Доху. На кухонной полке лежал конверт с билетами, присланными Амиром, а на подоконнике, рядом с фотографией мамы, — короткий ответ Лейлы: «Жду». Я думала, что самое трудное решение принято. Оказалось, принять решение и выдержать всё, что за ним следует, — разные вещи.

На новом свёртке стояло моё имя и берлинский адрес. Обратный адрес принадлежал бюро, через которое Лейла передавала письма. Внутри не могло быть нового приглашения: приглашение я уже приняла. И всё же, прежде чем распустить кухонный шпагат, я задержала пальцы на узле. Мне стало страшно, что за знакомым «жду» скрывается разговор, к которому я ещё не готова.

Я отнесла посылку на нашу кухню в Нойкёльне. Герань на балконе цвела так упрямо, словно апрельское солнце было обещанием, которое она собиралась проверить. В шесть вечера за окном ещё было светло. Адриан задерживался в клинике. Он написал, что пожилая пациентка снова спросила о моём супе и что он пообещал передать её благодарность. Я прочла сообщение дважды, прежде чем положить телефон

рядом со свёртком.

Я улыбнулась этому: уголки губ дрогнули раньше, чем мозг дал разрешение. Мы оба всё ещё улыбались мелочам, всё ещё слишком новы в нашей общей свободе, и каждый обычный миг казался взятым взаймы: библиотечная книга, которую вот-вот потребуют вернуть.

Посылке я не улыбнулась.

Я развязала шпагат. В картонной коробке лежали копия старой расписки, короткое письмо Лейлы и лист с адресом её дома. Билетов здесь не было: перелёт мы уже подтвердили, второе место было оформлено на Адриана. Амир оставил его свободным именно для того, чтобы я сама выбрала спутника.

Я развернула лист. Руки дрожали, дрожью, которую я не могла унять, словно сама бумага гнала ток по пальцам. Рукописный текст. По-арабски. Изящный, женственный почерк, тот, что годами шлифуют в пансионе и школе хороших ма-нер.

«О долге Мариам ты уже знаешь. Но ты ещё не знаешь, что она подписала сама. Я покажу тебе документы. Первый разговор прошу оставить между нами — не потому, что твой выбор мне не подходит, а потому, что это твоя история. Лей-ла».

Я перечитала три раза. При первом прочтении понимание отказало: слова не складывались в смысл. На второй раз смысл пришёл, но вера удержала его за дверью. На третий вера прорвалась, и дыхание перехватило: резкий, невольный

всхлип, будто между рёбер вонзили лезвие. Я прижала ладонь к странице, словно могла прощупать правду сквозь волокна.

Вылет был назначен на пятницу, через три дня. Я помнила, что Амир написал вместе с билетами: «Лейла позовёт. Иди». Он отказался от компании и потребовал от Халида не трогать нас. Это ещё не делало весь дом безопасным. Но и превращать его поступок в новую ловушку было бы неправдой.

Я вернула письмо в коробку и закрыла крышку. Билеты лежали отдельно, рядом с нашими паспортами.

Чай остывал, и я всё сидела. За окном шумел двор, где чей-то ребёнок учился свистеть, и мир был до того обычным, что не верилось: где-то в этом же городе, в этот же вечер лежит предмет, способный перечеркнуть всё разом.

Я смотрела на свои руки. В Дохе я научилась делать их пустыми: ладони на коленях, пальцы сложены, чтобы тревога не имела осязаемой формы. Здесь, на этой кухне, руки жили сами по себе — месили тесто, крутили кран, чинили молнию на куртке Адриана, — и я успела поверить, что та, прежняя, умеющая только ждать, умерла. А она сидела во мне целиком, и руки снова были пустыми.

Я попробовала вспомнить, когда в последний раз ждала вот так — не решения, потому что решений у меня и не спрашивали, а чужого слова, от которого зависит вечер. В Дохе я ждала постоянно: ждала, пока служанка уберёт со стола, по-

ка портниха докрутит подол платья, которого я не просила, пока Амир закончит разговор по телефону, прежде чем задать свой вопрос. Я умела ждать так хорошо, что перестала замечать это умение, как не замечают собственную тень, — и вот теперь сидела на своей кухне, в своей квартире, с мужчиной, который не заставил бы меня ждать и минуты, и всё равно ждала. Одна и та же я. Тот же навык. Только адресат у него был теперь другой.

В стекле отражалась наша берлинская кухня. Я смотрела на женщину за столом и вспоминала себя в самолёте, которым когда-то летела в Доху: тогда чужие решения казались расписанием моей жизни. Теперь билет был моим решением. А на дне коробки лежала бумага, способная изменить то, как я помню мать.

Я поднялась, подошла к холодильнику и открыла его — просто чтобы открыть, чтобы услышать гул, чтобы доказать себе, что я хозяйка этого пространства, что я могу повернуть ручку, и ничего не случится. Взяла молоко. Поставила обратно. Закрыла дверцу. Пальцы прошлись по магниту, прижимавшему к металлу выцветшую открытку с золотыми куполами, которую мы купили в воскресенье у метро, когда просто гуляли, когда казалось, что жизнь наконец-то стала пресной, и от этого пресного я была готова не отказываться никогда.

Шкаф. Я не поворачивала головы, но видела его углом глаза: дверцу, за которой лежала коробка, терпеливая, как

хищник. Я пробовала мысленно пройти этот путь на ощупь — отворить, достать, развернуть, перечитать, — и делала это не ради решения. Ради привыкания. Потому что правда имеет вес, и вес правды нужно разносить по телу заранее, по чуть-чуть, иначе он раздавит на первой же ровной дороге.

За стеной заговорил соседский телевизор. Жидкий записанный смех, лёгкий, чужой, — чужая лёгкость, от которой меня отделяла теперь стена, как от многого другого меня отделяли раньше стены потолще и поглуше. Я ополоснула чашку, вытерла руки, погасила свет и стояла в темноте, глядя на полоску света из прихожей, и слушала, как в рёбрах стучит слово, выведенное чужим изящным почерком. Она знает, что подписала мама. Я ещё не знала, что сделаю. Но я уже знала, что отныне каждая ночь будет делёжкой между светом и этим словом, и что его власть не уменьшится от того, что я прикинусь спящей.

Я села обратно за стол. За окном зажглись первые фонари, жёлтые, ровные, и я смотрела на них, пока не защипало в глазах, и не думала ни о чём, а это было хуже, чем думать.

Квартира в Нойкёльне была маленькой, но у неё были высокие потолки, кухня на двоих и балкон с геранью. Это было первое место, которое я выбрала сама. Не родительский дом и не пентхаус в Дохе. Дом, где я делила обычную жизнь с человеком, способным мыть посуду и смотреть на меня так, будто никто не должен заслуживать право остаться.

Я видела Лейлу редко, но её молчание больше не казалось

мне простым равнодушием. Она собирала документы, поддерживала связь через адвоката и ждала, пока я сама решусь приехать. В этом доме помощь редко бывала безусловной. Мне хотелось верить, что теперь я наконец смогу отличить помощь от очередного способа управлять мной.

В ту ночь я ничего не сказала Адриану.

Он пришёл в одиннадцать, пропахший антисептиком и усталостью, с тёмными полукружьями под серыми глазами. Поцеловал меня в лоб прежде, чем поздороваться: губы задержались на мгновение дольше, чем обычно, словно он считывал мою температуру сквозь кожу.

— Ты ещё не спишь.

— Хотела тебя увидеть.

— Врёшь. Ты хотела убедиться, что я поел.

Он был прав. Я разогрела суп, который приготовила заранее: куриный, с лапшой, по рецепту, которому меня научила его мать, тому самому, что я варила для Волковой. Села напротив, пока он ел. Мы говорили о его смене. Реанимация в три часа дня. Подросток с аппендицитом. Волкова, которая обо мне спрашивала.

Нормально. Всё было так мучительно, так прекрасно нормально.

Коробка лежала в шкафу, терпеливая, как хищник.

В ту ночь я лежала без сна, пока рядом спал Адриан. Он спал на животе, одна рука поперёк моей подушки, дыхание медленное и ровное, как морской прибой. Я смотре-

ла на вздымающуюся спину, вела глазами линию позвоночника. Пальцам нестерпимо хотелось прикоснуться к нему, прижаться к теплу кожи, но я держала их неподвижно. Он прибавил с тех пор, как началась наша общая жизнь: немного, килограмма четыре, разница между полуголодным существованием и тремя трапезами в день. В костях его всё ещё сквозила голодность, от которой он никогда не избавится. Но острые углы смягчились, вечная настороженность отпустила. Во сне с его лица спадала защита, которую он носил наяву.

Я представила Адриана в Дохе и сразу вспомнила, что ему не нужно представлять её впервые: мы уже летали туда, когда исчез Амир. Он знал жару, стеклянные коридоры аэропорта и цену чужим обещаниям. Именно поэтому я хотела, чтобы он был рядом. Не для защиты от каждого слова — для того, чтобы после разговора было к кому вернуться.

И я бы выбрала его. Я всегда выберу его.

Но первый разговор Лейла просила провести без посторонних.

Я повернулась на бок, прижалась лбом к его лопатке и попыталась провалиться в беспамятство. Он шевельнулся во сне, рука легла мне на бедро, пальцы вплелись в ткань рубашки: рефлекс обладания, такой нежный, что у меня сжалось горло.

Утром я заваривала себе чай, пока Адриан принимал душ. От кофе меня по-прежнему тошнило. Старую расписку я

вернула в коробку, а письмо ещё раз перечитала и убрала в шкаф. Я не скрывала поездку — о ней мы договорились вместе. Я откладывала разговор о том, что могла узнать там о маме.

Взгляд сам собой возвращался к дверце шкафа. Чай пах мятой, но от этого легче не становилось.

Адриан вышел из ванной, обмотанный полотенцем, с мокрых волос капало, шрам на рёбрах виден там, где ткань соскользнула.

— Ты в порядке?

— Нормально.

— Ты пялишься на шкаф так, будто он тебе должен.

Я рассмеялась: живой звук, вырвавшийся из меня вопреки воле.

— Всё хорошо. Просто устала.

Я коснулась его запястья, нащупала пульс: ровный, неторопливый.

Он не стал давить. Он никогда не давил. В этом была вся особенность Адриана: он одаривал пространством, как святыней, словно понимал, что меня годами теснили и мне нужно место, чтобы расправиться. Он поцеловал меня, ещё с мокрыми волосами, пахнувший дешёвым мылом.

— Сегодня я свободен. Давай что-нибудь устроим. Погуляем. Съедем чего-нибудь дороже лапши.

— С удовольствием.

— Хорошо.

Он ещё мгновение рассматривал меня, за глазами что-то мерцало, как далёкий огонь. Взгляд скользнул к моим губам, вернулся к глазам: тень беспокойства, которую он не высказал. Потом он схватил сумку и ушёл.

Я подождала, пока щёлкнет входная дверь. Потом открыла шкаф. Достала коробку. Перечитала записку.

«Она знает, что подписала мама».

Развод, мой выбор и наша жизнь в Берлине давно не были тайной. Лейла писала о другом: о подписи Мариам под соглашением. Во второй поездке в Доху Амир рассказал мне о долге, перешедшем от маминого отца, и о том, как этим долгом связали нас обеих. Но рассказ и документ — разные вещи. Особенно когда внизу стоит знакомый почерк.

Я смотрела на нажим пера и пыталась понять, что ещё осталось за словами «она подписала сама».

«Я покажу тебе документы».

Покажу. Не перескажу. Не решу за тебя, какую часть ты выдержишь.

Я положила письмо в карман пальто и вышла из дома. До отъезда оставалось закрыть несколько смен в кофейне и согласовать пропуск занятий. Учёбу я не бросала: после возвращения рассчитывала продолжить её, даже если из-за ребёнка придётся менять привычный порядок.

Смена началась в семь, и я была рада, что она началась: руки знали своё дело, и пока они работали, голова могла помолчать. Пар от кофемашины, звяканье чашек, напарница,

которая в десятиминутный перерыв успевала рассказать, что ей приснилось, — обычная механика, обычный гул, и я в нём, как нитка в ткани: на месте, вплетена, по виду неотличима от остальных.

Но карман. Каждый раз, когда я наклонялась за банкой, когда снимала фартук, когда рука сама тянулась куда-то, пальцы касались сложенной бумаги, и я отдёргивала их, как от горячего, а потом тянулась снова. Наваждение, у которого не было ни лица, ни голоса, только почерк, который я узнала бы вслепую. Я разносила эспрессо, лепила улыбки, отсчитывала купюры, и каждая монета ложилась на ладонь с этим холодком, и в какой-то момент я поймала себя на том, что считаю не сдачу, а часы, оставшиеся до конца смены.

Я разносила заказы и ловила обрывки чужих жизней: девушка за крайним столиком перечитывала чей-то длинный ответ, мужчина с портфелем звонил и тихо говорил «я приеду», женщина в шерстяном платке заказывала два кофе, «один — навынос, для сына». И все они, каждый за своей чашкой, жили в мире, где письмо из Дохи было бы просто бумагой и маркой, а не капканом. Я завидовала им ровно до той секунды, пока не поймала себя на этом, и перестала: чужую лёгкость всё равно не займёшь, даже на час.

В одиннадцать напарница ушла на обед, и я осталась одна в зале на десять минут, и эти десять минут я простояла у окна, глядя на телефонную будку через дорогу. Ещё утром я думала: не позвонит. Кто я такая, чтобы звонить ей? Какое у

меня право — тревожить её покой своим разводом и своей тоской? А теперь я стояла и смотрела на будку, и в груди тикало: если не сейчас, то никогда; если не сегодня, то завтра будет поздно.

Я уговаривала себя: это не предательство, это просто звонок, он ничего не узнает, а если она скажет что-то важное, я расскажу ему всё, слово в слово. Враньё. Я знала, что это враньё, ещё до того, как додумала мысль до конца, — и всё равно пошла к будке. Потому что нельзя носить в кармане вопрос целый день и не задать его: вопрос как заноза, вынимаешь — больно, не вынимаешь — гниёт. Я выбрала боль. Всё, что я умела в тот полдень, — это выбирать, какую боль предпочесть.

На выходе я сказала напарнице, что схожу куплю сигарет, хотя не курю. Перешла дорогу. Встала перед будкой. Пальцы вошли в карман и легли на билет, как на щит. Номер Лейлы я не помнила — я была в этом уверена, — и всё же, когда я подняла трубку, цифры выстроились сами: код Катара, дохинский префикс, четыре последние, спокойные, как будто всех этих лет не было.

В полдень я позвонила Лейле Аль-Танни.

Я стёрла её номер после развода, но память его удержала: код Катара, дохинский префикс, четыре последние цифры, много лет простоявшие в списке экстренных контактов. Я набирала с таксофона у кофейни, потому что частица меня по-прежнему верила в параноидальные предосторожности.

Она ответила на второй гудок.

— Жасмин.

Не вопрос. Она ждала моего звонка.

— Здравствуй, Лейла.

— Ты получила документы?

— Да.

Она молчала. Её дыхание плыло по линии: медленное, выверенное, управляемый вдох-выдох женщины, которая десятилетиями глотала молчание, когда хотела выть.

— Там пока только копия, — сказала она. — Оригиналы я передала Амиру. Он отдаст их тебе, как мы договорились. Я хочу объяснить, что означает подпись твоей матери. Одних выписок для этого мало.

— Скажи сейчас.

— Нет. Не по телефону. Приезжай в Доху. Я объясню всё.

— Почему я должна тебе верить?

Ещё пауза. Дольше.

— И не должна. Но ты всё равно позвонила. Значит, ответы нужны тебе больше, чем безопасность.

Она была права. Она всегда была проницательной: молчаливая женщина в чёрном, наблюдавшая за мной с дальнего конца обеденного стола, ни разу не спросившая, счастлива ли я, потому что уже давно вычислила ответ.

— Если я поеду, Адриан поедет со мной.

Я сказала это не для торга. Мне нужно было убедиться, что просьба поговорить наедине не превращается в запрет

выбирать спутника.

— Пусть приезжает, — сказала Лейла. — Я просила только об одном разговоре без него. Но и это решать тебе.

— Он будет рядом. Если мне станет тяжело, я выйду к нему.

— Хорошо, Жасмин. Это касается твоей семьи. Того, что делали с вами обеими задолго до моего сына. Я больше не хочу решать за тебя, кого допускать к этому разговору.

— К чему? К каким таким вещам?

— Мы разберём бумаги вместе. А потом ты сама решишь, кому их показать.

Я сжимала трубку, стоя у кофейни. Апрельский ветер с канала пробирался под пальто. Женщина с коляской прошла мимо и улыбнулась ребёнку; я невольно положила ладонь на живот. О беременности пока знали только мы с Адрианом.

— Я подумаю.

— И ещё, — сказала Лейла. — Амир знает о поездке. Он сдержал слово. Но я не уверена, что Халид долго будет соблюдать их договор.

— Что?

— Ему нужна компания без угрозы разоблачения. А документы остаются угрозой, даже если Амир отдал долю. Не отдавай их людям Халида. Ничего не подписывай без своего адвоката.

Она оборвала звонок.

Я долго стояла у таксофона, трубка болталась в пальцах, в

ухе гудел сигнал отбоя, как тревога, которую не выключить. Когда я наконец повесила трубку, ладонь была липкой от пота.

Я вернулась в кофейню и слышала последнюю фразу на каждый звонок кассы: «Ничего не подписывай без своего адвоката». Я больше не была женой, за которую ведут переговоры. Мне предстояло стать человеком, способным проверить бумагу, прежде чем отдать ей своё имя.

К вечеру руки перестали дрожать. Решение ехать осталось прежним. Изменилось только то, что я понимала цену этой поездки.

Перед сном я снова услышала предупреждение о Халиде. Амир отказался от компании, но документы всё ещё могли лишить его брата гораздо большего, чем денег.

Я ушла в четыре. Шла домой длинной дорогой, мимо рынка, мимо цветочных лотков, где женщины с длинными косами продавали хризантемы, и всё было сырое, серое, берлинское, и я думала: как я буду смотреть Адриану в глаза сегодня вечером? И отвечала себе: так же, как утром. Так же, как всегда. Ложь сидит не на лице, ложь сидит в спине, в том, как держишь плечи, когда заходишь в кухню, где тебя ждут.

У подъезда я остановилась, постояла на лестнице, дала сердцу сровняться с обычным ритмом. Отперла дверь. Повесила пальто — билет остался во внутреннем кармане, на своём месте, как будто его никогда не вынимали, — и пошла на кухню заниматься ужином, потому что ужин был тем, что

я умела делать вместо разговора.

В ту ночь я снова ничего не сказала Адриану.

Мы гуляли, как он и обещал. По берлинским улицам, мимо светящихся витрин, мимо туристов, фотографирующих далёкие городские башни. Он купил кофе у лотка, и мы брели вдоль реки, и он рассказывал об операции, на которой присутствовал утром: коронарное шунтирование, впервые в операционной. Глаза его загорались, пока он пересказывал: точность, абсолютная сосредоточенность, замершее дыхание зала, когда сердце снова забилося под руками хирурга.

— Я хочу этого. Хочу сам держать скальпель.

— Будешь.

— Ещё учёба. И расходы, которых пока не умеем подсчитать.

— И ещё мы. Это тоже надо считать.

Он остановился. Повернулся ко мне. За его спиной поблёскивала река, чёрная вода ловила огни города, как рассыпанную мелочь.

— Когда ты стала так уверена в нас?

— А когда ты стал так сомневаться?

— Я не сомневаюсь. Я просто... — Он провёл рукой по волосам. — Я всё жду, когда грянет гром. Когда ты поймёшь, что ошиблась.

— Адриан.

— Знаю. Знаю. Но ты из мира, где у людей есть запасные планы. Я не запасной план. Я... я ставка. Тёмная лошадка. А

ты никогда не рисковала по-настоящему: всё в твоей жизни было расписано. И теперь ты выбираешь меня, и я боюсь, что однажды утром ты проснёшься и решишь, что надёжная ставка лучше.

Я шагнула ближе. Прижала ладонь к его груди, поверх ровного стука сердца.

— Ты не ставка. Ты первое, что я выбрала сама. И я выбрала бы тебя снова. В каждом новом круге.

Он поцеловал меня. Холодные губы, дыхание с привкусом кофе, вкус будущего, в котором я хотела жить. Я отвечала на поцелуй, и билет во внутреннем кармане пальто казался предательством, которого я ещё не совершила. Когда мы оторвались друг от друга, я держала руку на его груди и чувствовала, как сердце замирает под ладонью.

Обратно мы пошли через тихий двор. Адриан увидел открытый магазин и вспомнил, что дома кончился хлеб. Я ждала его у двери, разглядывая велосипед, пристёгнутый к ограде двумя разными замками. На сиденье лежал сложенный дождевик. В этой предусмотрительности было что-то трогательное: его владелец рассчитывал завтра вернуться, забрать свою вещь и продолжить обычный день.

В магазине Адриан долго выбирал между двумя батонами. Я видела его через стекло: нахмуренные брови, маленькое отступление от полки, проверка цены. Когда-то я принимала подобную сосредоточенность за скупость. Теперь знала, что он одновременно считает завтрак, ужин и оставшиеся до

зарплаты дни.

Он вышел с бумажным пакетом.

— Ты замёрзла?

— Нет.

— Тогда почему стоишь, как человек, которого забыли забрать из школы?

— Думаю, что завтра.

— Завтра нужно купить губки для посуды. И ты обещала объяснить мне одну ужасно важную мышцу, название которой я всё время забываю.

— Ты знаешь мышцы лучше меня.

— Значит, придумай такую, которую я не знаю. Мне нравится, когда ты мне объясняешь.

Мы сели на низкую ограду клумбы. Земля за ней была мокрой, в одном углу уже показались узкие листья. Адриан надломил хлеб, протянул мне кусок. Я сказала, что дома есть ужин. Он ответил, что это не ужин, а способ донести хлеб до дома с хорошим настроением.

Я ела, стараясь не ронять крошки на пальто. Раньше на прогулках мне нечем было занять руки: сумку нёс водитель, покупки доставляли отдельно, и каждый мой жест казался либо лишним, либо неправильно исполненным. Теперь ладонь пахла хлебом, и никакого правила на этот счёт не существовало.

— Можно я задам глупый вопрос? — спросила я.

— С удовольствием. У меня есть несколько глупых отве-

тов.

— Если бы мы встретились сейчас, совсем ничего друг о друге не зная, ты бы захотел со мной познакомиться?

Он перестал жевать.

— А ты?

— Я спросила первая.

— Захотел бы. Но, вероятно, ты решила бы, что я грубый и невоспитанный.

— Ты и был грубый.

— Я очень старался.

Я улыбнулась, а потом подумала о том, как легко нам разговаривать о начале и как трудно о том, что лежит в шкафу на кухне. Вопрос, который я задала, был вовсе не про знакомство. Мне хотелось узнать, останется ли между нами что-нибудь, если убрать бегство, страх, чужой дом, все обстоятельства, заставившие нас так крепко вцепиться друг в друга.

Адриан покрутил пакет, складывая его край.

— Я не уверен, что умею знакомиться, — сказал он. — Я умею замечать человека. А потом очень долго делать вид, что не заметил.

— Зачем?

— Чтобы не мешать ему жить.

Он произнёс это без улыбки. Я отломил ещё хлеба и протянула ему. Мне хотелось обещать, что он никогда мне не мешает, но такое обещание было бы нечестным. Мы мешали друг другу спать, путали конспекты, занимали ванную

именно тогда, когда другому надо было выйти. Совместная жизнь состояла и из неудобств тоже. Я не хотела, чтобы он снова пытался заслужить её безупречным поведением.

— Ты иногда мешаешь, — сказала я. — Например, оставляешь кружку на моих записях. И я каждый раз думаю, что сейчас на них появится круг.

— Уже появился.

— Адриан.

— На двух листах. Я положил их отдельно. Хотел признаться после ужина.

Я рассмеялась. Он смотрел на меня настороженно, потом тоже улыбнулся.

— Вот, — сказала я. — Я злюсь на тебя и хочу идти с тобой домой. Одновременно.

Мы допили остаток его кофе. Прохожая провела мимо собаку, которая обнюхала край пакета и получила строгий выговор на немецком. Адриан изобразил перед ней виноватого человека, и хозяйка неожиданно рассмеялась. Этот маленький разговор, неполноценный, с жестами вместо некоторых слов, вернул меня в город, в котором мы действительно жили. Здесь можно было не знать ответа и всё-таки участвовать.

Дома я нашла два испорченных листа. Круг от кружки пересекал название нерва, не задевал схему. Я провела по нему пальцем, а затем убрала листы обратно в папку. Адриан предложил переписать их. Я отказалась. Круг не мешал читать.

Пока он резал оставшийся хлеб, я переложила его кружку на маленькую тарелку. Он заметил, кивнул и больше ничего не сказал. Ни благодарности за терпение, ни обещания стать другим. Просто новая привычка, которая могла возникнуть у нас вдвоём. Мне хотелось удержать этот вечер именно таким: с мелким ущербом, который не требовал наказания, и с человеком, которому можно сказать о нём вслух.

В ту ночь, пока он спал, я снова достала билет. Снова перечитала записку. Взвесила в руках невозможное уравнение.

Я боялась, что люди Халида будут ждать меня в аэропорту. Прежний страх легко находил новые имена. Но теперь у меня были копии, телефон адвоката и человек, который знал, куда я лечу.

Если я не поеду, то никогда не узнаю. Остаток жизни я проведу в догадках, что собиралась открыть мне Лейла. Я понесу этот вопрос без ответа, как несу всякое молчание, что лепило мою судьбу.

Я убрала билет в коробку. Закрыла глаза. Попыталась уснуть.

Но я уже знала, что сделаю.

Я не спала.

В три ночи я встала. Вскипятила воду. Заварила чай. Села за кухонный стол, разложила перед собой билет и повела мысленный подсчёт.

Причины поехать.

Одно: мне нужно докопаться до правды о моём браке.

Два: Лейла единственная, кто может её дать.

Три: я всю жизнь провела в пассивности: позволяла событиям случаться со мной, позволяла другим решать за меня.

Четыре: поехать значит выбрать. Даже если это будет неверный выбор.

Причины остаться.

Одно: Адриан.

Два: наша жизнь.

Три: хрупкий, драгоценный покой, который мы выстроили.

Четыре: вероятность того, что знание ранит глубже, чем неведение.

Я перечитала список. Обе колонки равны. Обе тяжелы последствиями.

Я вернулась в постель. Легла рядом с Адрианом. Он шевельнулся во сне, рука нашла меня, притянула к себе. Дыхание на моём затылке. Сердцебиение у позвоночника. Я прижалась губами к ложбинке между лопатками: поцелуй, которого он не вспомнит утром.

Я лежала и слушала, как под рёбрами стучат два страха: один — за посылку, которая ждала на кухне между солонкой и стопкой его карточек; другой — за этого тёплого человека, спящего рядом, который однажды узнает, во что я его втянула.

А потом я перестала слушать. Развернулась к нему, нашла губами его губы — и он проснулся так, как просыпаются лю-

ди, которые ждали этого всю ночь: не вздрогнул, не спросил ни о чём, только рука на моей спине стала увереннее.

— Не спится? — спросил он в темноте.

— Мне снится одно и то же, — сказала я. — Мама. Доха. Дверь, которую я не могу открыть.

— Здесь нет той двери, — сказал он. — Здесь только наша.

Дальше он делал то, что умел лучше всех на свете: не отпуская. Он целовал меня медленно, будто читал вслух, и я поняла, зачем пришла в эту постель: не спать, а напомнить себе, что живое тело рядом — единственный честный ответ на всё, что приходит ночью.

Мы любили друг друга тихо и не спеша, как люди, у которых впереди всё время мира и ни одной лишней минуты. Он держал моё лицо в ладонях, и я держала его, и мы дышали в один такт — редкий и правильный, как часы, которые наконец пошли верно.

— Скажи мне что-нибудь, — попросила я.

— Что сказать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.